

— ‘В течение дня четыре блюда’; это уже указание по поводу чьего-то рациона. Отсутствие контекста делает выбор затруднительным.

№ 910 (стратигр. посл. четв. XI – нач. XII в.)

мѣдвѣнаго ꙗѣ: сорочьць
и ꙗѣ: арци :е: съ кно

Записка гласит: ‘Медового — 5 сорочков и 3 годовалых бобра; 5 (не указано, каких единиц) [сбора] с денег’.

Медвѣноѣ — явно то же, что известный из более поздних документов термин *медовоѣ* (род подати).

Сорочьць — то же, что сорочок (товарно-денежная единица).

Ярьць — ‘годовалый бобер’; ср. Даль, IV: 860 (с примером из старых актов: *А бобры к бобрамъ, а ярцьи къ ярцомъ, ѡбнитти прямою ѡбною*).

Конечное *съ кно*, по-видимому, следует понимать как *съ коунъ* ‘с денег’; сокращение *кн-*, вместо *коун-* (большей частью без титла), встречается в берестяных грамотах многократно (№ 219, 609, Ст. Р. 13, Ст. Р. 16 и др.).

Графика блока № 905+908+910: 1) *ъ = о, е → ѡ, ѣ* станд. ; 2) *оу* (начальн.). Данный блок — один из самых ранних документов со смешением *ъ = о, ѡ* — *ѡ = е*.

Редуцир.: I — *Рѣтъкъѣ*; особо: *мѣдвѣнаго* (сочетание *двѣн*); II — *арци*. Написание *арци* — самый ранний в нынешнем фонде берестяных грамот пример пропуска исконного редуцированного между сонантом и шумной согласной.

Представляет значительный интерес замена *т* на *д* в *Тѣшадѣ* 905 и *посдави* 908. Неустойчивость в отражении звонкости–глухости в принципе может быть связана с финно-угорским влиянием. С другой стороны, для *посдави* можно предположить также эффект гиперкоррекции, связанный с тем, что, например, *с(ѣ)думати*, *с(ѣ)доровъ* в живом произношении уже имели [ст], создав тем самым пример соотношения «звучание [ст] — традиционная запись *сѣд* или *сѣд*».

Морфология: *-ѣ* в Р.ед. *оу Рѣтъкъѣ*, *оу Тѣшадѣ*, *-аго* в Р.ед. *мѣдвѣнаго*.

А 11. Грамота № 752 (стратигр. 1080-е – 1100-е гг. [предпочт. 1080-е], внестратигр. предпочт. первое 40-летие XII в.; Троицк. К)

Соотношение стратиграфической и внестратиграфической оценки позволяет предполагать, что писавший был молод.

Начальная часть

----- (к)[ъ] тоѣѣ тришьдѣ а въ сю недѣлю цѣтъ до мьнѣ зѣла имееши оже
е[с]и къ мьнѣ н[ъ] при[х]одилѣ а азъ та есмѣла акы братъ соѣѣ ци оуже ти есмѣ задѣла
сѣлюци а тоѣ
бѣ вѣдѣ ако есть не годьнѣ аже бы ти годьнѣ то [из] оцью бы са вѣтърьго притькал
| ...

Конечная часть

... | ... [нъ]нѣ к[ъ]дѣ инодѣ вѣспиши жѣ ми про ...
[тъѣѣ] хаблю ци ти боуду задѣла своимѣ бѣзоумьемѣ аже ми са поцѣныши насмихати а соу-
дять бѣ [и] моа хоудость

Между начальной и конечной частью утрачено не менее двух строк (скорее всего ровно две). Лакуна между *ми про* и *[тъбѣ] хаблю* довольно велика (около 30 букв).

Перевод:

‘Я посылала (?) к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (*или*: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался ...’

После большого разрыва: ‘... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про ...’ После разрыва в 6–8 слов сохранился конец этой (или, может быть, следующей) фразы: ... *[тъбѣ] хаблю*. Здесь возможны лишь вольные предположения, например, (*николи же сѧ*) *[тъбѣ] хаблю* ‘никогда тебя не оставлю (не отвергну)’ или (*хочеш ли дати сѧ*) *[тъбѣ] хаблю* ‘хочешь ли, чтобы я тебя оставила’ и т. п.

Заключительная фраза: ‘Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость (= я)’.

В предложенном переводе написание *годьнь* (2×) интерпретировано как *⟨годьно⟩*. Если интерпретировать его как *⟨годьнь⟩*, возникает другой вариант перевода соответствующей фразы: ‘Тебе, я вижу, он (некий не указанный предмет) не угоден. Если бы он тебе был угоден, то ...’ При таком варианте необходимо дополнительное предположение о том, что речь идет, например, о каком-то даре. Смысл текста в этом случае менее прозрачен.

Судя по длине лакуны в начале первой строки, адресной формулы в грамоте не было: даже если у фразы, оканчивающейся на *тобѣ тришьдѣ*, было очень короткое начало (скажем, *сълала есмь къ*), для адресной формулы места не остается. Отсутствие адресной формулы естественно связывать с интимным характером письма. Для предполагаемого начала *сълала есмь къ тобѣ ...* ср.: *а есмь к тобѣ сълать* (начало речи Изяслава к Вячеславу — Ипат. [1150], л. 145).

По содержанию грамота уникальна. Ее едва ли можно истолковать иначе, как любовное письмо: при других мыслимых интерпретациях непонятно, как объяснить тему возможной обиды (“задетости”) адресата, необходимость укрываться от людских глаз и в особенности страх героини перед тем, что она может стать предметом насмешки.

Письмо написано человеком, несомненно знакомым с литературным языком. Об этом говорят прежде всего выражения *соудитъ Бѣ и моѧ худость, своимъ бѣзоумьемъ, (и)мѣла акы братъ собѣ*, возможно, и некоторые другие (см. разбор ниже); показательно также книжное *-ъ* в *[при]ходить*. Возникает мысль о том, что письмо фактически написано неким третьим лицом — скажем, образованным монахом. Но интимный характер содержания (равно как отсутствие адресной формулы) делает эту гипотезу весьма уязвимой. Более вероятно все же, что перед нами автограф образованной (следовательно, обладающей достаточно высоким социальным положением) молодой женщины. Можно лишь поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI века возлюбленному, не пришедшему на свидание.

Естественность, с которой героиня пишет *въспиши жь ми* ‘напиши же мне в ответ’, показывает, что как для нее, так и для ее адресата писать и получать письма было делом обычным. По-видимому, и те приглашения, с которыми она уже трижды обращалась к адресату, тоже были письменными. Можно даже предположить, что они были немного похожи на грамоту № 566, которая приведена в следующей статье.

Графика: 1) ъ = о (при преобладании стандартного распределения), $e \rightarrow ъ/e$; ѣ в основном станд. (но e вместо ѣ в *имеиши*; возможно, также ъ вместо ѣ в *к[ѣ]дѣ* и *инодѣ* — если здесь было <-дѣ), а не <-де>); 2) $ou \sim оу$, $e, и$. Это одна из двух самых ранних грамот со смешением ъ, ѣ с о, е (ср. № 613, А 4).

Имеется несколько исправлений. В *къ мѣнѣ н[ѣ при]ходилѣ* буквы *н[ѣ при]* вписаны над строкой (от них сохранились только нижние части). Очевидно, писавшая вначале имела в виду фразу *къ мѣнѣ н[ѣ] ходилѣ*, но из двух сходных слогов (*нѣ н[ѣ]*) один пропустила; ср. аналогичные ошибки, например, в № 439, Б 114 (*мне ехати* вместо *мне не ехати*) и в № 715, В 44 (*раба жеа* вместо *раба Божеа*). Заметив ошибку, она вписала над строкой *нѣ*, но не ограничилась этим, а произвела также и стилистическую правку: добавила еще *при*, заменив таким образом *ходилѣ* на более точное по смыслу *приходилѣ*. В той же строке в *есмѣла* узенькое *с* втиснуто между *е* и *м*. Возможно, составительница письма намеревалась написать *есмь имѣла*, по ошибке написала *ем* вместо *есм*, сразу же вставила *с*, но после этого сбилась, приняв *м* из *есмѣ* за *м* из *имѣла*. Другая возможность состоит в том, что она сперва написала *а азъ та емѣла* (где e — либо описка, либо особый способ передачи [jъ] или даже просто [j]); затем она решила исправить написанное, но предпочла перестроить для этого всю конструкцию, а именно, заменить *емѣла* на *есмь имѣла*; она вставила *с*, но до конца эту правку не довела. В предпоследней строке в *боудоу задѣла* буквы *ла*, вначале пропущенные, вписаны над строкой.

Редуцир.: I — *инодѣ*, *къ мѣнѣ*, *поцьнѣши*, *зѣла*, *сѣлюци*, *цѣтъ*, *к[ѣ]дѣ*, *вѣстиши*. Плавные: *вытьрьго*. Конец слова: *есмь*, *бѣзоумьемь*, но, с другой стороны, *своимь*. Последний пример — самое раннее свидетельство отвердения [м'] и, следовательно, падения конечного [ъ] (подробнее см. № 644, А 20).

Очень архаичная особенность — отсутствие ъ в предлоге *из* даже перед гласной: [из] *оцью*. Отметим ѣ (не *и*) перед *ю*, e в *оцью*, *бѣзоумьемь* (ср. А 3 о написании *третьѣѣ*).

Морфология: <-е> в *притѣль* (наряду с -ѣ в *н[ѣ при]ходилѣ*; словоформа *Бѣ* непоказательна); о двусмысленности написания *годѣнь* см. выше. В презенсах *естѣ* и *соудитѣ* представлены -стѣ и -тѣ (впрочем, вариант *соуди* в данном контексте был бы просто принят за императив). Отметим В. ед. *братѣ*, Р. дв. [из] *оцью*, В. ед. жен. *сю*, презенс *вѣдѣ* (1 ед.), причастия *вытьрьго* и *сѣлюци*, предположит. наклонение *боудоу задѣла*, а также простую форму сослагат. наклонения *бы* в *бы годѣнь*.

С синтаксической точки зрения интересны сложноподчиненные предложения с главным предложением внутри придаточного: *а тобѣ вѣдѣ ако естѣ не годѣнь* (букв.: 'а тебе я знаю, что не любо'); *а въ сю недѣлю цѣтъ до мѣнѣ зѣла имеиши оже е[с]и къ мѣнѣ н[ѣ при]ходилѣ* ('в эту неделю' здесь естественно связывать с 'не приходил', а не с 'что за зло имеешь'). Такие структуры могут быть представлены как результат особого типа развертывания простого предложения: вместо слова со значением типа 'явно' выступает (в той же точке текста) предложение *вѣдѣ ако*, вместо 'почему' — *цѣтъ до мѣнѣ зѣла имеиши оже*. В современном русском языке фразы этого типа не соответствуют литературной норме, но широко распространены в разговорной речи.

Тришьдѣ явно означает 'трижды'. В. Б. Крысько (2002) обнаружил в Пандектах Никона Черногорца (ГИМ, Муз. 3449, XIV₁) два других таких примера: *тришедѣ* 47б и *многашьдѣ* 21в. Он видит здесь подтверждение догадки П. С. Кузнецова (Борковский, Кузнецов 1963: 309) о причастном происхождении *-шьды* в этой группе на-

речий; если варианты *-шьды* и *-шьда* восходят к причастию презенса, то вариант *-шьдъ* — к причастию прош. времени.

Для *въ сю недѣлю* ср. у Фенне (34) *fftzu nedlu (= nedelu)* ‘in dußer weken’.

Презенс глагола *имѣти* представлен в характерном для русского языка варианте: *имѣеши* (ср. ц.-сл. *имаши*). При этом, однако, сам глагол *имѣти*, по-видимому, носил оттенок книжности: подавляющая часть примеров этого глагола, собранных в словарях, происходит из книжных памятников. В берестяных грамотах, кроме этой, он встретился только в монашеском письме № 503 и в фрагменте (возможно, какого-то официального послания) № 886.

Для фразы *а азъ та есмѣла акы братъ собѣ* ближайшую аналогию составляют примеры: *даи ми та Бѣ имѣти акы бѣца собѣ* (Ипат. [1287], л. 292), *имѣл та есмь акы бѣца собѣ* (там же [1288], л. 301). Ср. также: *имѣи съврѣстники акы братию* (Изборник 1076 г., л. 112 об.), *... и на старѣиша мене, яко же быхъ имѣлъ акы бѣца* (Сказание о Борисе и Глебе — Усп. сб., 10г), *аще извѣсто добра имаши раба, то имѣи акы брата или бѣна* (Измарагд, см. Слов. XI–XVII, 1: 26). Формула *имѣла акы братъ собѣ* выражает высшую степень привязанности и доверия (относилась как к родному); брат здесь — не антитеза возлюбленного. Слово *акы*, вероятно, уже было книжным.

Для фразы *цѣтъ до мнѣ зѣла имееши* ср., с одной стороны, *и начаста гнѣвъ имѣти на Олга* (ПВЛ по Лавр. [1095]), с другой — *не мыслить жемь до пльсковичъ зроуба ничего же* (НПЛ [1228]) и т. п.

Для выражения *задѣти кому* непосредственно подходящих к данному контексту примеров в др.-р. памятниках не найдено. Из примеров, собранных в словарях, видно лишь, что управление дательным падежом было для глагола *задѣти* вполне обычным и что этот глагол мог, в частности, обозначать отрицательные воздействия типа ‘обременить’ и типа ‘навредить’ и даже ‘погубить’ (см. в особенности СДРЯ, статьи *задѣти* и *задѣтиса*). Для данной грамоты можно предполагать значение ‘принести вред’, ‘обидеть’, ‘задеть’ или ‘обременить’, ‘затруднить’. вполне вероятно, что современное значение ‘обидеть’, ‘огорчить’, ‘ущемить (самолюбие, честь)’ у глагола *задеть* развилось достаточно давно (но управление здесь иное, чем в древности).

Неясно, является ли *ако* в *вѣдѣ ако* книжным элементом: как показывает *ако* в не имеющей книжного характера грамоте № 731 (*ако ты си мловила емѣ*), этот союз в какой-то части др.-новг. говоров существовал.

Вытьргнутиса — ‘вырваться’, ср. *выторже* ‘вырвал’ в Слове о полку Игореве, *вытьргнуоти* ‘вырвать’ и *выторгни* в “Пчеле” XIV–XV вв. (Срезн., III, Дополн., 65), чеш. *vytrhnouti se*, словацк. *vytrhnúť sa* ‘вырваться’; сюда же *выторнуть* (с такой же утратой *г*, как в *дёрнуть*, *тянуть*) ‘вытолкнуть, выгнать’ Пск., ‘высунуть’ Смол., *выторнуться* ‘выскочить’ Пск., ‘выставиться’ Петерб. (СРНГ, 6: 41). Особенность глаголов с этим корнем состоит в том, что у них варьируют огласовки **tʲɛrg-* и **tʲɛrg-*. Представленная в данной грамоте огласовка **tʲɛrg-* характерна в основном для древнейших русских памятников. В частности, она всегда выступает в Остромировом ев. (например, *въстьръгнете* 241б), безусловно преобладает в Мстиславовом ев. и в Усп. сб. В более позднюю эпоху преобладание получают рефлексы **tʲɛrg-*; они же представлены и в современных говорах: см. в СРНГ *выторнуть*, *заторгать*, *заторгнуть*, *заторгнуть*, *наторгать*, *наторгнуть*; ср. укр. *тóргати* ‘дергать, рвать’ (и далее — польск. *targać, targnąć* ‘то же’). Но в псковской и новгородской топонимике

отразилось также и **tyrg-*: речка *Перетерга* (по полу *Перетергъ* в ГВНП, № 348; эта же речка иначе называлась *Перерва*, см. Мар., с. 129–132), деревня *Перетергово* (НПК, VI: 551).

Из о(ч)ью са вытьрььгъ (букв. ‘из глаз вырвавшись’) означает: ‘выйдя из поля зрения [людей]’, ‘вырвавшись из-под [людских] взоров’, ‘скрывшись из глаз’. Ближайшую аналогию составляет пример *и се рекъ якоже въ молнию себе прѣтворивъ из очию юго Отииде* (Жит. Андр. Юрод., строка 260–261). Ср. *въ очью, въ очьхъ* — ‘на глазах’, ‘на виду’ (если не уточняется, у кого, то вообще у людей, т. е. ‘прилюдно’; см. Слов. XI–XVII, 12: 328), белор. *prapácsci z waczaj* ‘скрыться из глаз’, польск. *zniknąć z oczu* ‘то же’ и т. п. Вытеснение слова *око* словом *глазъ* не изменило структуры этой группы идиом; ср. в XVIII в. *с глаз* (или *из глаз*) *уйти, выйти, удалиться, выпустить* и т. п. (см. Слов. XVIII, 5: 122; там же подходящий для нашего случая пример: *Тот час с глаз как молния быстра пропадает*). То же у Даля: *из глаз ушел, пропал, скрылся*.

Употребление в данном контексте словоформы *о(ч)ью* (Р. дв.), а не *очесъ* (Р. мн.), хотя речь идет о многих людях, вполне соответствует древнерусскому узусу: ср., например, *братия ... плачь и слъзы изъ очию испоуцаахоу* (Житие Феодосия — Усп. сб., 63 г).

Прит(е)жк(е) — ‘прибежал’, ‘примчался’, ‘стремительно вошел’. Книжного оттенка у этого слова, по-видимому, еще не было; ср., например, у Фенне (381): *poteki* — нем. *loer* (‘беги’, ‘сбегай’).

Для *въстииши* в контексте настоящей грамоты следует предполагать значение ‘напиши в ответ’, ‘отпиши’ — в соответствии со вторым по важности (после ‘вверх’) значением предлога и приставки *въз-*: ‘против’, ‘в ответ’, ‘обратно’; ср. *благодать въз благодать, зъло въз добро, въздати, възродити, възпроизвести, възразити, възвратити* и т. д., а также примеры, где *въз-* подкрепляет аналогичное значение, уже содержащееся в исходном слове (*възблагодарити, възпоманути, възпротивитиса, възмѣстити, възмъздиѣ* и т. п.). Примечательно, что почти все эти примеры носят книжный характер (и, соответственно, обычно имеют *воз-*, а не *вз-* в современном языке).

Хабитиса кого, чего — ‘оставлять’, ‘воздерживаться’, ‘уклоняться’, ср. *охабитиса кого, чего* ‘оставить, покинуть’, ‘прекратить’, ‘воздержаться’ (см. Срезн.). Поскольку в данном тексте ... [*тъбъ*] *хаблю* стоит после обрыва, в принципе здесь могло быть представлено и простое *хабити* (без *са*) ‘отвергать (и т. п.)’, но в этом случае дополнение скорее имело бы вид *та*, а не *т(е)б(е)*.

Слово *безумьѣ* ‘неразумие’, ‘безрассудство’ часто встречается в древнерусских литературных памятниках, особенно в составе этикетных формул, выражающих смирение, самоуничижение; ср. прежде всего примеры, практически синхронные данной грамоте: *а простите ма съгрѣшивша въ безумии своемъ* (запись Домки в минее 1095–96 г.); *ѿ худаго можего безумьѣ наказанье* (“Поучение” Мономаха). В число устойчивых сочетаний с этим словом входило *своимъ безумьѣмъ* ‘по своему неразумию’, ср.: *аще ныне поманеши всего того иже створишомъ своимъ безумьемъ* (Ипат. [1159], л. 177 об.), *тогда же и Трѣфонъ црѣвъ стржець, своимъ безумьѣмъ глание, яко дары великыа даше ми Тиронъ, се да быхъ та зарезалъ нѣжицами стрига* (Флав., л. 373в–г); *се ти створиѣ ѿць твои своиъ безоумьѣмъ* (Киево-Печерский патерик, см. СДРЯ, I: 145), *члѣвци самовластниши своиъ безумьѣмъ* (“Златая цепь”, см. там же); также в более поздних памятниках — *безумьемъ же своимъ посмѣяся чудесемъ*

с̄т̄аго Артемия (см. Слов. XI–XVII, 1: 127), *скаывается он богом вышним и в титлах он босурманъ своим безумием пишетца* (см. там же).

Насмихатиса кому — ‘насмеяться над кем-либо’. Это древнейший собственно русский вариант данного слова — с огласовкой *и* (ср. более позднее *насмѣхатиса*) и с *х*, а не *с* (ср. ц.-сл. *насмисатиса*). Ср. *посмихатиса*, *усмихатиса*, в отличие от вариантов с *ѣ* (*посмѣхатиса*) и с *с* (*посмисатиса*, *усмисатиса*), см. Срезн. и Слов. XI–XVII.

Моя худость (букв. ‘моя незначительность’, ‘мое ничтожество’) — самоуничижительная этикетная формула, означающая ‘я’ (калька с греч. ἡ ἐμὴ εὐτέλεια, букв.: ‘моя дешевизна’); ср., например: *пиша къ можи хоудости* (Ефремовская кормчая, см. Срезн., статья *хѹдость*). Ср. далее такие примеры, как: *не азъ бо своею хѹдостью написахъ и братъ, нъ силою с̄т̄ыа т̄рца б̄ца и с̄на и с̄т̄го д̄ха* (из записи в минее XI–XII в. — Каталог ЦГАДА, 1: 47, № 8); *обрати тучю милости твоя на землю худости моя* (‘Моление Даниила Заточника’).

С внешней смирностью этой формулы контрастирует, однако, та дерзость, с которой составительница письма ставит наименование себя самой рядом с именем Бога: ‘судит Бог и я’. По своему строению фраза *соудить Б̄ъ и моя худость* копирует формулы типа *да соудить к̄моу Б̄ъ ... и ть с̄т̄ыи Георгии* (Мстиславова грамота), где вслед за Богом назван тот, кто непосредственно страдает от действий провинившегося (ср. более эксплицитный текст в другом месте той же грамоты: *... и ть с̄т̄ыи Георгии, оу него то ѡтимають* ‘и тот святой Георгий, у которого [нарушитель] отнимает’).

А 12. Грамота № 566 (стратигр. кон. 80-х гг. XI – 1 четв. XII в., Троицк. Б)

БОУДИ ВЪ СОУБОТѢ
КЪ РЪЖИ ИЛИ ВЕСТЬ
ВЪДАЕ

Сомнения по поводу чтения буквы ъ в словах *ръжи* и *въдае*, высказанные в издании, в настоящее время представляются неоправданными.

Перевод: ‘Будь в субботу ко ржи или подай вест’.

После находки грамоты № 752 стало понятно, что в грамоте № 566 можно и не искать какого-либо иного смысла, кроме того, который лежит на поверхности, т. е. это может быть просто приглашение на свидание в поле. Отсутствие адресной формулы объясняется при таком понимании той же причиной, что и в № 752, — интимным характером записки. Хронологическая и пространственная близость этих двух грамот наводит даже на мысль о том, что здесь могли действовать одни и те же персонажи; но почерки не совпадают.

Другое возможное толкование грамоты грамоты № 566 состоит в том, что это вызов на какое-то общественное действие, связанное с рожью (ср. № 122, Д 1). Правда, анонимность записки в этом случае менее понятна.

Графика: 1) ъ и ь станд., ѣ → е (*весть*); 2) оу/ж, и. В *въдае* е выступает вместо и. В более поздних грамотах за таким е определенно стоит [j]; по-видимому, такое же фонетическое значение е имеет и здесь (менее вероятно, что за ним стоит [jь]).

Редуцир.: I — *въдае, къ рѣжи*. Конец слова: см. выше о *въдае*.